
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ НАУКИ

В. П. КОРЗУН, В. Г. РЫЖЕНКО

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ОТ РАЗМЫШЛЕНИЙ ИСТОРИОГРАФОВ
К ОПЫТАМ ОПИСАНИЯ¹

В статье представлен опыт описания коммуникативного поля современной исторической науки в контексте смены познавательных парадигм и общих социокультурных условий. Анализируются данные социологических опросов, включенного наблюдения по проблеме трансформации коммуникативного поля.

Ключевые слова: *неоклассическая модель историописания, коммуникативное поле, научное сообщество, «сети общения», научная конференция.*

---

1. Как это начиналось

Наш интерес к коммуникативному полю современной исторической науки складывался под воздействием собственного опыта проживания (что называется «здесь и сейчас») в российском научном сообществе, которое переживает серьезные трансформации. Этот опыт, способствовал саморефлексии и поиску своего места в меняющейся конфигурации как институтов науки, так и сетки межличностных контактов/отношений/коммуникаций. Рубежная полоса для общества и для исторической науки – вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. – это время весьма болезненного распада образа «монолитной» советской историографии, деформации ее социокультурного ландшафта.

Осмысление кризиса «советского историографического проекта» внутри научного сообщества историков и вне его начинается в условиях именно этой рубежной полосы, продолжается на всем протяжении 1990-х гг. и принимает различные формы. Сознательно редуцируя этот сложный процесс, выделим в нем две противоположных тенденции. Одна из них проявляется в стремлении части представителей современного научного сообщества историков к осуществлению продуктивных профессиональных диалогов в интеллектуальном пространстве «без границ».

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02. 740. 11. 0350.

Так, например, «территорией» для подобного варианта общения стало за последние 10 лет периодическое издание Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН – «Диалог со временем». Организационной опорой в продвижении самой идеи «открытой коммуникации» служит сеть отделений Межрегионального объединения «Общество интеллектуальной истории», членами которого являются и авторы данной статьи.

Противоположная тенденция к сохранению исторического научно-сообщества как закрытой корпорации видна в деятельности официальных институтов социокультурного ландшафта российской исторической науки. Прежде всего, это касается академических подразделений и сохраняющейся системы жесткой специализации диссертационных советов как структур по подготовке кадров высококвалифицированных историков. Большинство академических институтов, призванных инициировать производство нового знания и способствовать созданию новых «сетей общения», в конце XX – начале XXI в. оказались большей частью замкнутыми «внутри себя». Существующие правила пополнения сообщества молодыми исследователями не допускают изменений в приоритетах корпоративных ценностей в пользу коммуникационной активности. Эта тенденция отражает явное противоречие между ситуацией, которую определяют применительно к интересующему нас периоду в исторической науке как «историографическая революция», и внутренним состоянием российского сообщества историков.

Следующий мотив нашего обращения к теме можно назвать и сугубо утилитарным, и одновременно внутринаучным. Речь идет о работе в большом исследовательском проекте «Образы отечественной исторической науки в контексте смены познавательных парадигм (вторая половина XIX – начало XXI в.)». Один из этапов разработки проблемы связан с попытками реконструкции (естественно, умозрительной) коммуникативного поля отечественной исторической науки в XX в. Мы исходили из того, что тот или иной образ исторической науки складывается в научном сообществе и «проговаривается»/утверждается благодаря разнообразным коммуникативным практикам, т.е. на этапе замысла проекта обращение к коммуникативному полю предполагалось как «контекстное сопровождение» интересующего нас объекта исследования. Но по мере проникновения в тему эта сторона проблемы приобретала все большую значимость и самостоятельность. Несколько неожиданно для себя мы стали «конструкторами» нового проблемного поля.

Проблемное поле науки – это своего рода барометр, фиксирующий подвижное состояние функционирующих в научном сообществе идей (еще не развившихся в логически завершенное целое), задач, средств и

форм научного исследования. Это живое дыхание науки. Признавая персонифицированный характер идей/проблем, обратим внимание на корреляцию проблематики с укорененными моделями науки, разделяемыми большинством научного сообщества. Нарушение же «чистоты проблематики», «еретичность», интеллектуальная напряженность, выход в маргинальное пространство, ситуация «крупного разговора», разрыв прежних коммуникационных связей/сетей часто являются симптомами становления нового образа науки, новой модели научности. Вряд ли целесообразно выстраивать иерархию методологических парадигм и исследовательских практик, но нельзя не обратить внимания на тот факт, что становление новых моделей научности во многом предвосхищается на уровне конкретных исследований, на перекрестке различных интеллектуальных сетей. В таком наэлектризованном пространстве – интеллектуально-очевидное переходит в научно-проясненное.

Отметим дополнительный для нас мотив актуализации изучения коммуникативного поля современной российской исторической науки. Дело в том, что в качестве отдельного объекта историографических исследований коммуникативное поле не выделялось не только применительно к указанному периоду, но и к более ранним этапам истории отечественной исторической науки.

II. Пессимистический историографический экскурс и оптимистические надежды

Конечно же, в нашей памяти всплывали названия отдельных монографий и статей, в которых речь шла о тех или иных журналах, научных сообществах, официальных и частных контактах историков как внутри, так и за пределами разного рода институций, об отдельных школообразующих практиках и т.д. Но даже «идол истоков» – профессиональная болезнь историографа, не способствовал преодолению мозаичности и складыванию целостного полотна коммуникативного поля отечественной исторической науки. На сегодня мы можем констатировать: 1) не выявлены основные институты внутринаучной коммуникации и их иерархия; 2) нет цельной картины динамики коммуникативного поля на протяжении XIX–XX вв.; 3) не выяснена степень и способы корреляции внешних и внутренних институтов коммуникации; 4) не разработана типология этих коммуникаций и коммуникативных стратегий индивидуальных исследователей-историков и коллективов различного уровня организации; 5) наличествует разрыв между теоретическим осмыслением проблемы и исследовательской эмпирией.

И это при том, что появление в XX в. коммуникативных теорий спровоцировало исследовательский интерес мировой историографии к способам функционирования научных сообществ. Теоретические и конкретно-социологические наработки Ю. Хабермаса, Р. Мертона, Т. Куна, П. Бурдьё, Р. Коллинза, М. Кастельса и др. расширили и трансформировали проблемное поле исследования истории науки. В отечественной традиции можно заметить два параллельных процесса в изучении научных коммуникаций: 1) науковедческие исследования, в которых представлена теоретическая рефлексия²; 2) конкретные историографические практики, преимущественно схолярные, где проблематика коммуникаций постепенно из эпизодической, маргинальной превращается в весьма значимую, но все же не в самостоятельную³.

Неоклассическая модель историописания актуализировала интерес к интеллектуальной культуре, способам ее циркуляции, к акторам интеллектуального процесса, выдвинув на авансцену исследование коммуникативных практик, что является свидетельством преодоления позитивистской, линейной схемы истории науки, в том числе и в истории исторической науки. На этом пути примерки, освоения новой парадигмы и собственно ее творения были и несомненные удачи. Наиболее объемно, масштабно и профессионально-корректно коммуникативное поле русской исторической науки середины и второй половины XIX в. в контексте новых подходов представлено в двухтомной монографии М. П. Мохначевой «Журналистика и историческая наука»⁴. Наука и наукотворчество по существу рассмотрены автором как интерференция актов коммуникации. Понятая таким образом наука «подчиняется» определенным нормам и образцам взаимодействия ученых.

Названная монография – своего рода «гоголевская шинель», из которой должны выйти, но еще не вышли, исследователи коммуникативного пространства исторической науки. Контекст для такого прорастания, безусловно, сложился в виде отдельных исследовательских опытов и в оформлении постнеклассической модели научности, для которой характерен образ науки как сети (М. Кастельс, Р. Коллинз). Сеть выступает как новое пространство, пространство собственно информационное. Сетевая модель науки ориентирует исследователя на поиск инте-

---

² Аллахвердян, Мошкова, Юревич, Ярошевский. 1998; Литвинов. 2004; Ваганов. 2000. 2005; Огуцов. 1993; Человек: индивидуальность, творчество...

³ Алеврас, Гришина. 2010; Алипов. 2010; Кефнер. 2006; Кныш. 2007; Климов. 2004; Кныш, Денисов. 2009; Мамонтова. 2010; Мяжков. 1988. Корзун. 1999. 2000; Корзун, Мамонтова, Рыженко. 2001; Свешиников. 1999. 2005; Свешиников, Степанов. 2008. Сидорова. 1997. 2008; Хохлова. 1998.

⁴ Мохначева. 1998–1999.

грации антропологического, культурологического, лингвистического, микроисторического подходов в изучении интеллектуальных процессов. В обозначенном ракурсе коммуникативное поле получает статус самостоятельной и чрезвычайно сложной проблемы – это по существу новый понятийно-терминологический инструментарий, соответствующий сетевой модели исследования науки и одновременно – новое проблемное поле. А сама сетевая модель, как продукт постнеклассической науки, безусловно, противоречит кумулятивистскому подходу к истории науки, поскольку изначально задает параметры объемного видения проблемы: сетевое пространство многомерно – исследователь фокусирует на себе и накопленный культурный капитал в рамках горизонтальных связей, и институциональный капитал в рамках вертикальных связей и межличностные отношения, затрагивающие в том числе и сферы передачи эмоциональной энергии.

III. О наших замыслах

В такой ситуации родился замысел написать монографию «Коммуникативное поле современной исторической науки», ее структура мыслилась как поэтапные исследовательские шаги в разработке проблемы:

Глава 1. Коммуникативное поле российской исторической науки: основные институты и их трансформации в конце XX – начале XXI вв.

Глава 2. Карта новых институций в российском интеллектуальном пространстве: центр и провинция.

Глава 3. Новые институты и изменение конфигурации научного сообщества (в интеллектуальном пространстве «без границ»).

Глава 4. Коммуникативное поле современной российской исторической науки: взгляд изнутри (саморефлексия представителей научной корпорации).

Принимая за аксиому то, что научная межкультурная коммуникация может осуществляться только по корпоративным каналам, т.е. через посредство профессиональных сообществ, историограф вправе усомниться в наличии единой структуры для всех «отраслевых» (дисциплинарных) научных корпораций. Более того, даже наличие определенной заданности, предсказуемости характера передаваемой информации, значительного влияния традиций и стереотипов, сложившихся в корпоративной среде, не определяют всей специфики внутреннего содержания коммуникативного поля отдельной науки. Особенно, если речь идет об исторической науке, переживающей в российских реалиях рубежа веков принципиальные для ее судьбы трансформации прежних представлений о профессиональных корпоративных ценностях.

Научная коммуникация как идеальный конструкт включает в себя три слоя: внутридисциплинарную, или внутринаучную коммуникацию; коммуникацию между учеными, представляющими разные дисциплины; коммуникацию представителей научного сообщества с «внешним миром». Отсюда можно вывести гипотезу применительно к реальному коммуникативному полю современной российской исторической науки о повышенной остроте взаимоотношений историков и ученых из других дисциплинарных сфер (второй коммуникационный слой). Что же касается изучения третьего слоя научных коммуникаций (связи сообщества историков с «внешним миром»), то здесь требуется ввод разных параметров (коллективные и индивидуальные формы, Центр и провинция, реакция на социальный заказ и на смену «национальной идеи» и т.д.).

Отдельный блок гипотез, требующих экспериментального исследования, связан с появлением в 1990-е гг. новых институций (как в центре, так и в провинции), менее жестко или слабо связанных с прежними корпоративными структурами и приоритетами закрытой корпорации историков. Наконец, принципиальное значение имеет «внутреннее личностное измерение» происходящих трансформаций коммуникативного поля отечественной исторической науки – саморефлексия историков. Это позволит проверить еще одну рабочую гипотезу. Ее суть связана с появлением в образе меняющейся российской исторической науки признаков корпоративной культуры диалогового типа, соответствующей информационному обществу. Стимулирующее воздействие в данном случае оказал фактор внешней поддержки (Институт Открытое общество. Фонд Сороса) таких звеньев социокультурного ландшафта исторической науки как нестоличные университетские кафедры. Наряду с новыми институциями, появившимися на рубеже XX–XXI вв., отдельные коллективы (как структурные единицы коммуникативного поля) начали формировать своеобразные «точки сгущения» потенциальной коммуникационной активности⁵. В них накапливалась энергия для происходивших изменений в конфигурации коммуникативного поля трансформировавшейся российской исторической науки.

При этом стоит обратить внимание на внутреннюю неоднородность самого научного сообщества российских историков. Эта характерная черта присуща любому корпоративному дисциплинарному объединению. Однако для историков она более усложнена не столько за счет дробления предметно-объектной области исследовательских интересов, сколько вследствие наличия зафиксированных в образе советской исторической науки барьеров между историками, занимающимися всеобщей

⁵ Крейн. 1976; Куперитох. 1999; Прайс, Бивер. 1976.

историей, историками, изучающими историю дореволюционной России, и их коллегами, обращающимися к советской истории. На момент кризиса и на начальном этапе смены идеологических ориентиров и исследовательских парадигм еще сохранялась дистанция между историками «партии» и «гражданскими» историками. Эти реалии конца XX в. дополнились влиянием возрастного/поколенческого фактора, усилившего неоднородность научного сообщества историков и одновременно включившего в конфигурацию фрагментарного коммуникативного поля линию на создание своего рода «параллельных» коммуникаций (для «своих»). Таким видится, например, возникновение и деятельность такой институции как АИРО–XX, а также складывание аналогичных «коммуникационных» сегментов вокруг некоторых авторитетных, но входящих в официальные структуры, периодических изданий.

Новым элементом потенциального коммуникационного пространства с конца 1980-х гг. становятся общественные объединения, призванные сохранять историческую память и культурное наследие (Советский, затем Российский Фонд культуры, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры с их отделениями во всех регионах). Роль и место этих институций в трансформации социокультурного ландшафта исторической науки на рубеже веков, в индивидуальных поисках историками своего нового социального предназначения и профессиональной компетенции также нуждается в осмыслении в рамках проблемы коммуникативного поля российской исторической науки. С этими проблемными узлами соприкасаются исследовательские практики, связанные с восстановлением прерванных традиций отечественной исторической науки, и воплощаемые в историко-краеведческой деятельности. С их помощью, на наш взгляд, коммуникативное поле исторической науки реально прирастало межкультурными и междисциплинарными «сетями общения», а ведущие ценности научного сообщества историков как закрытой корпорации начинали размываться.

IV. Примеряя «чужие» одежды...

В данном разделе авторы выступают в новой для себя роли – роли социологов и антропологов науки. Перефразируя Дж. Тоша, заметим, что призрак устной истории забрел и в наш университет. Для получения представлений (рефлексии и саморефлексии) современных гуманитариев о конфигурации, характере и значимости коммуникационного пространства, о роли отдельных типов научных коммуникаций для историка-профессионала в качестве пилотного варианта было проведено анкетирование условной экспертной группы представителей современ-

ного гуманитарного научного сообщества с использованием методики случайной выборки. Формуляр анкеты включал в себя 15 вопросов.

АНКЕТА

представителя современного научного сообщества

Уважаемый коллега!

В современном интеллектуальном пространстве появляются новые формы научных коммуникаций. Для выяснения их значения в российском научном сообществе просим Вас ответить на ряд вопросов:

1. Считаете ли Вы, что современные профессиональные научные сообщества гуманитариев (историков, философов, культурологов и т.д.) являются закрытыми корпоративными объединениями?

а) да б) нет в) затрудняюсь ответить

2. Испытываете ли Вы потребность в научном общении с коллегами, представляющими другие гуманитарные специальности?

а) да б) нет в) затрудняюсь ответить

3. Как Вы оцениваете роль современных научных и научно-практических конференций (семинаров, симпозиумов) в складывании эффективных коммуникаций между учеными и гуманитарными сообществами?

а) высокая б) низкая в) затрудняюсь ответить

4. Можете ли Вы назвать какую-либо постоянно действующую научную и научно-практическую конференцию как площадку интеллектуального диалога исследователей? Напишите ее название и место проведения.

5. За последние 10 лет Вы принимали участие в научных и научно-практических конференциях (семинарах, симпозиумах), проводимых внутри Вашего научного сообщества:

а) более 2 раз б) менее 2 раз в) затрудняюсь ответить

6. За последние 10 лет Вы принимали участие в научных и научно-практических конференциях (семинарах, симпозиумах), имеющих междисциплинарный характер:

а) более 10 раз б) менее 2 раз в) затрудняюсь ответить

7. Какие российские профессиональные гуманитарные журналы для Вас являются наиболее авторитетными? Перечислите, пожалуйста.

8. Изменились ли Ваши приоритеты в оценке российских профессиональных гуманитарных журналов за последние 10 лет?

а) да б) нет в) затрудняюсь ответить

9. Повлияло ли на Ваши приоритеты в выборе места для собственных публикаций появление обязательного перечня изданий, рекомендуемых ВАК РФ?

а) да, это облегчает формальную процедуру допуска к защите диссертации

б) нет, для меня важен не государственный статус журнала, а его научное лицо

в) затрудняюсь ответить

10. Как Вы оцениваете процедуру защиты диссертации в качестве коммуникативного события?

а) это пропуск в научное сообщество

б) пропуск в «большую» науку

в) формальная процедура, связанная с академической традицией

11. Ориентируетесь ли Вы в своей профессиональной исследовательской деятельности на авторитетные научные центры?

а) да (назовите какие) б) нет в) затрудняюсь ответить

12. С какими ведущими учеными Вы сотрудничаете? Перечислите, пожалуйста.

13. Как Вы оцениваете новые виртуальные формы общения ученых через систему Интернет?

а) считаю очень перспективными

б) нет, считаю их не заменяющими непосредственного общения

в) недостаточно осведомлен(а) о такой форме

14. Участвуете ли Вы в Интернет-конференциях (в том числе on-lain) и форумах? Как часто за последние 5 лет?

а) более 10 раз б) менее 2 раз в) не участвовал(а)

15. Что Вы хотели бы пожелать для повышения эффективности современных научных коммуникаций?

При определении площадок для анкетирования мы исходили из общей концепции трансформации образа исторической науки на рубеже XX–XXI вв., согласно которой специфической чертой современного коммуникационного пространства, наиболее ярко отражающей динамику трансформаций образа науки, являются его «живые» коммуникационные элементы – научные и научно-практические конференции. Они выступают также в качестве индикаторов назревающих перемен в способах добывания нового научного знания, в вызревании признаков новизны историографической ситуации. Можно в данном случае сослаться на то, что своеобразным подступом к «включенному наблюдению» за трансформациями проблемной историографии были гипотезы, выдвинутые В. П. Корзун и В. Г. Рыженко в 1995 г.⁶

Исходя из указанных позиций, было использовано три «площадки» для анкетирования. Таковыми стали разные по статусу и географии научные конференции. Первая научно-практическая конференция, давшая идею экспериментального конструирования условной экспертной группы и старт нашему исследовательскому эксперименту по анкетированию научного сообщества гуманитариев, проходила 25–27 марта 2010 г. в Новосибирском Академгородке под названием: «Регионы для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации». Она имела статус международной, была организована под эгидой Министерства образования и науки РФ, Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, делегации Европейской комиссии в России, Сибирским отделением РАН, Новосибирским государственным университетом и Администрацией Новосибирской области. Следует подчеркнуть, что среди условной экспертной группы ученых-гуманитариев оказались предста-

---

⁶ Корзун, Рыженко. 1995.

вители основных коммуникационных институтов, в соответствии с выделенными выше типами: академической и вузовской науки, музеев и архивов (преимущественно из регионов Сибири и Дальнего Востока, включая Алтайский край, Республики Алтай, Тыва, Якутия).

Вторая «площадка» географически переместилась западнее от Новосибирска в Омск. Ею стала VIII Международная научно-практическая конференция «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» (21–25 апреля 2010 г.). Среди организаторов – академические и отраслевые научно-исследовательские подразделения РАН и Польской академии наук, университеты РФ и Польши. По специальностям в большей степени были представлены историки, культурологи, этнографы. География состава участников более широкая, присутствовали представители городов Польши, Балтии, Европейской части России (историки, культурологи, философы), примерно половина представляла крупные города сибирского региона.

Место третьей «площадки» – Нижний Новгород, где 30 сентября–2 октября 2010 г. Федеральное агентство по образованию, Нижегородский государственный университет им. Лобачевского, Нижегородский государственный педагогический университет, Институт всеобщей истории РАН, Общество интеллектуальной истории совместно провели Всероссийскую научную конференцию «Национальный / социальный характер. Археология идеи и современное наследство». Помимо разницы в статусе в данном случае важно, что эта «площадка» образовалась за счет соединения усилий официальных структур, университетов как элемента институционального ландшафта исторической науки и неформальной организации «Общество интеллектуальной истории», играющей, как уже отмечалось, важную коммуникационную роль в интеллектуальном пространстве в 2000-е гг.⁷ Географическое представительство участников конференции было смещено в сторону Европейской России, на востоке оно захватывало Урал и некоторые города Сибири (Омск и Новосибирск как крайние точки). По профессиональной принадлежности среди участников преобладали историки.

Полученный на трех «площадках» массив составил 104 анкеты. По возрастным группам соотношение таково: «старшее поколение» (свыше 65 лет) – 8 анкет; «среднее поколение» (свыше 35 и до 65 лет) – 66 анкет; «молодое поколение» (до 35 лет) – 25 анкет; не указан возраст – 5 анкет.

Несмотря на принятый изначально принцип «пилотной» условности обследования и произвольного конструирования экспертной группы,

---

⁷ Рыженко. 2007; Свешиников, Степанов. 2008.

полученная информация в совокупности дала возможность проверить гипотезы, сформулированные в вопросах анкеты. Так был осуществлен «замер» параметров современного коммуникативного пространства, обозначены векторы происходящих трансформаций, определено, какие признаки и элементы коммуникативного поля воспринимаются представителями научного сообщества в качестве наиболее важных.

Одна из предварительных гипотез касалась перемен в характере профессиональных научных сообществ гуманитариев в сторону завершения процесса их превращения из закрытых корпораций в открытые для контактов между собой и с другими сообществами профессиональные объединения, что соответствует новым диалоговым ценностям культуры XXI в. В ответах представителей малочисленной «старшей» возрастной группы преобладало мнение о сохранении прежней закрытости корпоративного сообщества историков. В отличие от них более 2/3 состава «среднего поколения» условной экспертной группы склонны считать, что современные профессиональные сообщества гуманитариев уже не являются закрытыми корпорациями. Наши подсчеты зафиксировали из 66 ответов 43 в пользу произошедшего изменения в сторону открытости. Отсутствие перемен и сохранение закрытого характера гуманитарных сообществ отметили 19 респондентов, четверо затруднились выбрать однозначный ответ. Любопытно, что соотношение между оценками внутри «молодых возрастов» сложилось почти «пятьдесят на пятьдесят»: из 25 участников обследования 12 посчитало, что современные научные сообщества гуманитариев продолжают оставаться закрытыми корпорациями, противоположную оценку дали 10 и трое затруднились определиться с ответом.

Тем самым можно считать, что тенденция к восприятию и оценке своих сообществ как открытых проявилась достаточно отчетливо, однако трансформация научных сообществ гуманитариев, в том числе, историков, происходит медленно. Преобладают и воспроизводятся коммуникации, замкнутые на корпоративные ценности. Это означает, что по-прежнему и научная межкультурная коммуникация может осуществляться только по «корпоративным» каналам, т.е. через посредство профессиональных сообществ. Последнее предполагает предсказуемость характера передаваемой информации и значительное влияние традиций, стереотипов, сложившихся в корпоративной среде. Тем более, это свидетельствует о сохранении недоверия к междисциплинарному сотрудничеству. Подтверждением таких выводов служит распределение результатов ответов на вопросы № 5 (о частоте участия в научных и научно-практических конференциях (семинарах, симпозиумах) внутри

своего научного сообщества за последние 10 лет) и № 6 (о подобном показателе только применительно к конференциям (семинарам, симпозиумам) междисциплинарного характера). Наиболее впечатляет то, что у представителей «средних возрастов» интенсивность использования такого рода коммуникаций весьма высока, как внутри своего сообщества, так и в междисциплинарных конференционных проектах. В первом случае из 66 участников условной экспертной группы, отнесенных нами к «средним возрастам», 58 респондентов отметили, что принимали участие за последние 10 лет в более, чем 10-ти монопрофильных научных мероприятиях перечисленного типа. Во втором случае количественный показатель ниже предыдущего, но все равно он (42 ответа, более 2/3) отражает наличие тенденции к усложнению коммуникативного поля современного гуманитарного сообщества, а также показывает высокую степень коммуникабельности «среднего возрастного состава».

Несколько меньшее соотношение характерно для «молодых возрастов»: показатель участия в междисциплинарных конференциях составляет треть от общего числа представителей данных возрастов из условной экспертной группы. Оговоримся, что при заполнении анкеты респонденты приблизительно определяли число научных мероприятий, вспомнить точные данные за 10 лет трудно. Это должно учитываться при анализе в виде создания возможной шкалы погрешностей. Следует учесть и весьма расплывчатое субъективное истолкование каждым из опрашиваемых, что считать междисциплинарной конференцией (семинаром, симпозиумом). Об этом свидетельствует расхождение количественного показателя «затрудняюсь ответить» применительно к участию в междисциплинарных форумах по сравнению с аналогичным вариантом для ответов по вопросу об участии в монодисциплинарных научных мероприятиях (первый выше как в группе «молодых», так и в сходной пропорции в группе «средних возрастов»). Отсюда возможна утрата части сведений, характеризующих многослойность, многоуровневость и степень плотности современного коммуникационного поля взаимодействия гуманитарных научных сообществ. Эти обстоятельства требуют дополнительного обследования с корректировкой отдельных вопросов. Например, формулировка вариантов количественных показателей в ответах на указанные вопросы № 5 и №6 представляется теперь в ином виде: «от 10 раз и более» и «более 5 раз, но не менее 2 раз».

Поскольку преобладающим способом трансляции информации в исторической науке вплоть до второй трети XX в. является письменный текст, то это обстоятельство и предопределило наше пристальное внимание к журнальной периодике, позволяющей уловить ритмы научной

коммуникации. Не случайно, что в истории науки, по крайней мере, на протяжении XX в., именно журналы избирались как эффективные площадки для манифестирования и оформления новых направлений в историографии («Анналы» во Франции; “Past and Present”, “New Left Review”, “History Workshop” в Британии; “Quaderni Storici” в Италии; “Review” в США (Бингхэмптон) и т.д.⁸. Соответственно важным параметром замера коммуникационного поля является такая институция как профессиональный журнал. Он является не только каналом трансляции знания, но выступает в качестве реальной коммуникативной площадки, задает определенные коммуникативные стратегии сообществу историков. Так, при ориентации на узкую специализацию историки проводят жесткую демаркационную линию между научными дисциплинами и научными школами, выстраивая взаимоотношения в научном сообществе по линии «свой-чужой», их когнитивная практика строится на углублении исследовательского подхода в рамках «своей», строго обозначенной дисциплины, и расширении источниковой базы исследования за счет привлечения традиционных исторических источников. Исследователи-междисциплинарники, нацеленные на диалог с другими дисциплинами, формируют широкий круг общения с представителями иных научных направлений и профессиональных школ, создавая тем самым обширную интеллектуальную сеть коммуникаций в научном поле исторической науки. Когнитивная практика междисциплинарников строится на пересмотре традиционного исследовательского инструментария за счет привлечения методик других, как гуманитарных, так и естественных дисциплин, и на привлечении широкого круга как традиционных, так и нетрадиционных источников, создаваемых нередко самим историком (материалы, интервью, устных опросов, анкет и др.).

Респондентам был задан вопрос (№ 7) «Какие российские профессиональные журналы являются для них приоритетными». Не все участники вписали перечень названий журналов, но большинство это сделало. Нужно сказать, что мы получили неожиданные для себя результаты, во всяком случае, не совпадающие с нашими собственными оценками. Представим рейтинг научных журналов по количеству их упоминания в анкетах. Лидером такого списка стал журнал «Отечественная (Российская) история» – 28 упоминаний. На втором месте находится журнал Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН и Российского общества интеллектуальной истории «Диалог со временем» – 22 упоминания. Лишь на одну позицию ниже находится журнал «Вопросы истории» (21). Следующий по частоте упоминания журнал «Вопросы филосо-

---

⁸ См., напр.: *Агирре Похас*. 2008.

фии» – 16. По 11 раз упомянуты «Социс», «НЛЮ», «Гуманитарные науки в Сибири». 10 раз был назван журнал «Родина». Думается, что и эта предварительная информация выводит на дальнейшее осмысление проблем трансформации отношения научных гуманитарных сообществ к вопросу о месте и роли научной периодики в современном коммуникационном поле и в процессах профессионализации. Необходимо также рассмотреть, как соотносятся приоритеты современных историков с возможностями доступа к электронным версиям журналов и к научной периодике, представленной в Интернет-ресурсах.

Еще один параметр «замера» особенностей современного коммуникационного поля просматривается при обобщении ответов на вопрос № 3, направленный на выяснение восприятия членами научных сообществ гуманитариев современных научных и научно-практических конференций и их роли в повышении эффективности научных коммуникаций разных типов. Обратимся к количественным показателям по каждой из трех возрастных групп. Вновь мы фиксируем самые большие значения для варианта оценки роли как «высокой» у представителей «среднего возраста» (42 из 66, т.е. больше половины их состава), подобное соотношение характерно и для группы «молодых» (17 из 25). Заставляет задуматься практически равное для обеих возрастных групп количество ответов с «низкой» оценкой роли конференций и «затрудняюсь ответить» (таковых в совокупности 15 для «среднего возраста» и 16 для «молодых»). На наш взгляд, эти предварительные выкладки обозначили явную целесообразность специального обращения к проблеме трансформаций феномена научных и научно-практических конференций в структуре монодисциплинарных/внутринаучных и межкультурных коммуникаций (в личностных и коллективных формах) на всем протяжении интересующего нас периода.

Дополнительную актуальность конференционным «узлам» в «сетях общения» придает появление их новых виртуальных разновидностей, стремительно развивающихся на рубеже XX–XXI вв. На выяснение рефлексии научного сообщества гуманитариев по этому поводу были направлены вопросы № 11 и № 12 анкеты. Полученная в ответах информация наводит на серьезные размышления. Во-первых, выявлено несоответствие, даже противоречие, между оценкой виртуальных коммуникационных звеньев современного интеллектуального пространства как «очень перспективных» (по вопросу № 11 таких 44 ответа из 66 по группе «среднего возраста» и 13 из 25 по группе «молодых») и ответом на вопрос № 12 (об участии в Интернет-конференциях, форумах и т.д.), когда указан вариант «не участвовал». Его выбрали 35 представителей

«средневозрастной» группы, т.е. чуть больше половины, а в «молодежной» группе такой выбор сделали 14 человек из 25. Во-вторых, число тех, кто активно осваивает новые коммуникационные возможности, оказалось невелико: в группе «среднего возраста» 8 ответов об участии более чем 10 раз, а в «молодежной» всего двое. В то же время доля тех, кто участвовал менее двух раз (то есть, попытался войти в иное коммуникационное поле со своими правилами), оказалась для «средних возрастов» почти равной трети (21 ответ из 66), для «молодых» та же пропорция (9 из 25). Интересно, что при заполнении анкеты многие респонденты подправляли формулировку второго варианта ответа на вопрос № 11 с оценкой новых виртуальных форм по сравнению с непосредственным общением. Эту поправку следует учесть в дальнейшей работе над проектом, в том числе, над рукописью монографии.

Таким образом, очевидно, что в современном научном сообществе укрепилось понимание закономерностей «прирастания» коммуникационного поля в условиях, когда глобальные Интернет-ресурсы стали реальностью в социокультурном ландшафте науки и новым социокультурным пространством «без границ». Степень понимания важности и перспективности освоения правил виртуального существования научных сообществ, как показывают полученные результаты, весьма высока.

Следующая гипотеза, которую удалось проверить с помощью проведенного экспериментального анкетирования, касалась возможностей включения в современное коммуникативное поле исторической науки и некоторых смежных с ней гуманитарных наук процедур, связанных с защитой диссертации на соискание ученой степени. В формулировке вопроса № 10 был заложен более широкий смысл рефлексии членов современного научного сообщества по поводу процедуры защиты как коммуникативного события. По хорошо известным официальным правилам установлен публичный характер защиты. Следовательно, можно было предположить, что это событие встраивается в коммуникацию открытого типа, способствующую принципиальным трансформациям корпоративного монодисциплинарного сообщества и одновременно перспективным изменениям в образе исторической науки, так как в результате в «большую» науку входят кадры, соответствующие новой социокультурной ситуации. Вариантов ответа по данному вопросу было три, трактовавших диссертацию как «пропуск в научное сообщество», как «пропуск в “большую” науку» и как «формальную процедуру, связанную с академической традицией».

Количественные результаты в целом по всем трем выделенным возрастным группам таковы: меньше половины респондентов (49 отве-

тов из возможных 104) оценили диссертацию как пропуск в научное сообщество. Вторым вариантом выбрали 23 человека (то есть, около 1/5 части опрошенных). 34 ответивших (около трети) увидели в защите формальную процедуру. Характерно, что внутри возрастных групп соотношение между количеством ответов первого и третьего вариантов примерно одинаковое. Так, в группе «молодых» это выглядит следующим образом: 13 и 9; в самой представительной группе «средних возрастов»: 29 и 22; среди «старших»: 5 и 2. Однако полученная информация порождает дальнейшие вопросы. Например, каково различие по статусной/корпоративной притягательности/мотивации для представителей современного научного сообщества между пропуском в «сообщество» и в «большую» науку? Как соотносятся интересы научного сообщества и «большой науки», признаки современного образа «большой науки» применительно к исторической науке и ее российской ветви в частности? Насколько они трансформировались в период перехода от советской науки (и соответственно, от процедур защиты диссертации) к отечественной (русской)? И какова современная практика?⁹

Любопытно, что в одной из анкет выбранный третий вариант ответа был дополнен так: «формальная процедура, связанная с академической традицией», «существенно выхолощенной». На наш взгляд, целесообразно углубиться в выяснение вопроса о месте публичных защит диссертаций в системе институциональных звеньев коммуникационного поля отечественной исторической науки на переломном рубеже XX–XXI вв. Тем более, что респонденты не указали не только возраст, но и пол. Внутри возрастных групп количественные показатели соотносятся так: для «старшей» группы – 3 и 2, для «молодых» 8 и 17 (перевес в два раза!), для «средних возрастов»: 29 и 38. Несомненно, здесь отражается очень сложное влияние социально-экономических факторов, поведенческих мотиваций и психологической атмосферы внутри научных сообществ. Феномен «женского» ядра современной наиболее активной части сообществ и их роли в конструировании «сетей общения» в целом и по отдельным звеньям требует специального изучения, равно как и соотношение «мужского» и «женского» в исторической науке¹⁰.

Следует добавить, что из общего состава сконструированной основной экспертной группы всех возрастов оказалось остепененных

---

⁹ Определенным шагом на пути поиска ответов можно считать содержание шестого выпуска историографического сборника «Мир историка», в котором два раздела посвящены диссертационной культуре. См.: Мир историка. 2010.

¹⁰ Первые шаги в этом направлении были сделаны участниками проекта в специальном выпуске «Мира историка». См.: Мир историка. 2008.

(докторов и кандидатов наук) – 76 человек (более 70% всех опрошенных). Из них 54 (чуть более половины респондентов) представляют научное сообщество историков. Основная часть имеющих ученые степени приходится на группу «средних возрастов»: 61, из них докторов наук – 25, среди остепененных историков: 47 и докторов исторических наук – 21, без ученой степени 22 человека, в том числе 14 из «молодых». Как указывалось выше, из общего массива в 5-ти анкетах не проставлен возраст и другие данные о респонденте.

Необходимо отметить, что полученные результаты оказались весьма скромными в ответах на последний вопрос анкеты (№ 15), где формулировалась просьба высказать пожелания для повышения эффективности современных научных коммуникаций. Количество анкет с предложениями разного характера составило по группе «молодых» – 13, по группе «средних возрастов» – 33, т.е. всего 46 из общего массива (чуть более трети). Все обнаруженные рекомендации можно разделить на три блока: «общие абстрактные», «развернутые, с конкретизацией возможных практических действий со стороны самих ученых и научных сообществ», «конкретные, с указанием на действия “сверху”». Из пожеланий общего характера можно привести такие формулировки: «активнее участвовать в коммуникациях», «более активно развиваться», «надо чаще встречаться», «больше активности и открытости» и даже в таком кратком варианте – «терпения». Надежды на внешние факторы высказывались в виде записей о необходимости «улучшить финансирование» (конференций, грантов, поездок и т.д.), «выделять средства» (на те же нужды, что и выше), «увеличить расходы на командировки». Таких анкет оказалось 10, примерно в равной пропорции по двум группам («молодые» и «средний возраст»).

Большая часть ответов на вопрос № 15, которые мы отнесли к «развернутым, с конкретизацией возможных практических действий», касалась, во-первых, предложений «сохранить тенденцию систематической организации» конференций. Отдельно подчеркивалась необходимость интенсификации разных форм, с акцентом на виртуальное общение, на использование режима on-line. Во-вторых, налаживать «адресное информирование о научных форумах, защитах, новейшей литературе». Выделим, что делался особый акцент на необходимость публиковать «больше рецензий и обзоров». Это дополнительно подчеркивает правомерность нашей гипотезы о первоочередном внимании к научным и научно-практическим конференциям как важнейшему элементу современного коммуникационного поля. В-третьих, небольшая часть ответов из этого разряда может считаться показателем набелев-

шей саморефлексии представителей научных сообществ, отражающей их озабоченности поиском путей преодоления проблем внутренней жизни сообщества, а также направления трансформации образа исторической науки. Приведем подобные суждения пока только на уровне их фиксации в виде прямого цитирования. Некоторые пожелания внутренне противоречивы. Например, желание «усиления координирующей роли академических институтов РАН, появления в Интернете постоянно действующих и обновляющихся специализированных порталов для научного общения». Другая рекомендация больше касается повышения требовательности членов сообщества к самим себе: «сохранять, по возможности – совершенствовать высокие профессиональные требования и стандарты; выявлять и делать достоянием гласности факты плагиата в науке». Относительно конференций высказывалось пожелание «отказаться от широкомасштабных междисциплинарных конференций, наиболее оптимальной формой считать семинары, посвященные конкретной проблеме, поставленной в широком контексте, с широким международным участием». Примечательно, что подобная точка зрения, более характерная для прежнего образа российской исторической науки (до влияния «познавательных поворотов»), принадлежит представителю группы «средних возрастов», молодому доктору наук (40 лет) и совпадает по смыслу с пожеланием аспиранта 25 лет об организации общения «с узкими специалистами по проблеме исследования и методически близкими специалистами». Далее этот же последний респондент желает придать коммуникациям «большую академичность и меньше популярно-политических тем». Противоположно этим высказываниям еще одно развернутое и достаточно жесткое мнение. Для повышения эффективности современных коммуникаций, как считает респондент, необходимо: «Желание и стремление участвовать в коммуникативном процессе. Многие этого избегают, осознавая свою слабость как исследователей. Активное владение технологиями межкультурных коммуникаций, смелость в постановке междисциплинарных проблем и умение мыслить междисциплинарно, за рамками традиционных парадигм собственной проблемной области. Необходимо свободное владение английским (как минимум) языком и компьютерными технологиями для виртуального общения». Заметим, что это единственное упоминание о владении языками в ответах с рекомендациями.

В целом, можно считать, что пилотное анкетирование, несмотря на случайную выборку, отразило, во-первых, рефлексию наиболее активных (мобильных) высококвалифицированных представителей современного научного сообщества гуманитариев (помимо историков среди

остепененных были доктора и кандидаты философских и филологических, педагогических наук, культурологии). Поэтому собранная информация имеет достаточно высокую степень репрезентативности ответов по интересующим нас параметрам современного коммуникативного поля. Во-вторых, прошли проверку и подтвердились наши гипотезы. Отсюда обозначилась правомерность сосредоточения внимания в задуманной монографии на изменении роли и места научных конференций, проводимых в различных форматах, в структуре коммуникационного поля рубежа XX–XXI вв. Также приоритетным представляется выяснение степени включенности процедур защит диссертаций и изучение феномена диссертации как научного труда и элемента коммуникации, соединяющего личные и институциональные «сети общения».

* * *

Меньше всего нам хотелось, чтобы проведенный социологический опрос, воспринимался как некая итоговая констатация состояния коммуникативного поля современной исторической науки. Мы стремились к тому, чтобы читатель почувствовал, что это дискурс вопрошания, приглашения к саморефлексии, к соучастию читающего в конструировании этого коммуникативного поля, и более того, в коллективной импровизации, которая, по словам М. Эпштейна, «может стать одной из самых вдохновенных форм взаимодействия между интеллектуалами будущего»¹¹. Повторим, что находясь внутри трансформирующегося пространства современной исторической науки и динамично меняющегося коммуникативного поля, авторы надеются быть услышанными и найти новых единомышленников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агирре Рохас К. А.* Историография в 20 веке. История между 1848–2025 годами. М.: Круг, 2008. 164 с.
- Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.* Диссертационная культура российских историков XIX – начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуб. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 9–21.
- Алипов П. А.* Дискуссия о характере социально-экономического развития древнего мира: отзыв М. И. Ростовцева на диссертацию И. М. Гревса // Россия и мир в конце XIX – начале XX века. Материалы Третьей всероссийской научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Пермь: Перм. ун-т, 2010. С. 6–9.
- Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г.* Психология науки: Уч. пос. М., Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. 312 с.

---

¹¹ Эпштейн. 2010. С. 235.

- Ваганов А. Г.* Миф – Технология – Наука. М.: Центр системных исследований. 2000. 116 с.
- Ваганов А. Г.* Российская наука и глобальное сетевое общество // *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / Под ред. А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семенович, А. В. Юревича.* М.: Логос, 2005. С. 159–184.
- Кефнер Н. В.* Становление провинциального историка послевоенного поколения: к проблеме ученых и власть // *Историческое сознание и власть в зеркале России XX века: научные доклады.* Под ред.: А. В. Гладышева, Б. Б. Дубенцова. СПб.: Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2006. С. 217–226.
- Климов А. Ю.* История кандидатских экзаменов в нормативных правовых актах России (1802–2004): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Пятигорск, 2004 246 с.
- Кныш Н.А.* Образ ученого в художественном кинематографе конца 1940-х – начала 1950-х гг. // *Вестник Челябинского государственного университета. История.* Выпуск 21. 2007. № 18 (96). С. 119–136.
- Кныш Н. А., Денисов Ю. П.* Образ исторической науки (на материалах анализа газет «Культура и жизнь») // *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность».* 2009. №1 (75). С. 5–9.
- Корзун В. П.* Московская и петербургская школы русских историков в письмах П. Н. Милюкова С. Ф. Платонову // *Отечественная история.* 1999. № 2. С. 171–182.
- Корзун В. П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. Екатеринбург–Омск: Омск. гос. ун-т, Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.
- Корзун В. П., Мамонтова М. А., Рыженко В. Г.* Путешествия русских историков как культурная традиция // *Историческое знание и интеллектуальная культура: мат. науч. конф. 4–6 декабря 2001 г. Ч. 1.* М.: ИВИ РАН, 2001. С. 230–233.
- Корзун В. П., Рыженко В. Г.* По поводу споров об одной дефиниции (от общей методологии к многообразию тезауруса) // *Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии. Тезисы докладов межгосударственной научно-теоретической конференции.* Т. 1. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1995. С. 32–35.
- Крейн Д.* Социальная структура группы ученых: проверка гипотезы о «невидимых колледжах» // *Коммуникация в современной науке.* М.: Прогресс, 1976. С. 183–219.
- Куперштох Н. А.* Кадры академической науки Сибири: Середина 1950-х – 1960-е гг. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. 151 с.
- Литвинов А. В.* Научный дискурс в свете межкультурной коммуникации // *Филология в системе современного университетского образования: Материалы научной конференции.* Вып. 7. М.: Изд-во УРАО, 2004. С. 283–289.
- Мамонтова М. А.* Неформальные сообщества историков как коммуникативная площадка исторической науки // *Научное наследие С. Ф. Платонова в контексте развития отечественной историографии: Материалы Всероссийской научной конференции.* Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2010. С. 8–13.
- Мир историка: историографический сборник / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова, А. В. Якуба.* Вып. 4. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. 558 с.
- Мир историка: историографический сборник / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова, А. В. Якуба.* Вып. 4. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. 472 с.
- Мохначева М. П.* Журналистика и историческая наука: В 2 кн. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998–1999. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России

- XVIII–XIX вв. 382 с.; Кн. 2.: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. 470 с.
- Мягков Г. П.* «Русская историческая школа». Методологические и исторические позиции. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1988. 198 с.
- Огуцов А. П.* Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // *Философские исследования*. 1993. № 3. С. 12–59.
- Прайс Д. Дж. де С., Бивер Д. Дж.* Сотрудничество в «невидимом колледже» // *Коммуникация современной науке*. М.: Прогресс, 1976. С. 335–351.
- Рыженко В. Г.* «Территория для диалогов» – особая миссия научного альманаха «Диалог со временем» в интеллектуальном пространстве конца XX – начала XXI вв. // *Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба*. Вып. 3. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2007. С. 42–63.
- Свешников А. В.* Кризис науки на поведенческом уровне // *Мир историка: идеалы, традиции, творчество*. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. С. 75–95.
- Свешников А. В.* «Вот вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX вв. // *Мир историка: историографический сборник*. Вып. 1. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2005. С. 231–262.
- Свешников А. В., Степанов Б. Е.* Коммуникативные стратегии постсоветских исторических альманахов // *Мир историка: историографический сборник / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова, А. В. Якуба*. Вып. 4. Омск, Изд-во Омск. гос. ун-та, 2008. С. 388–412.
- Сидорова Л. А.* Оттепель в исторической науке первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.
- Сидорова Л. А.* «Вопросы истории» академика А. М. Панкратовой // *Историк и время*. 20–50-е годы XX века. А. М. Панкратова. М.: РУДН, 2000. С. 433–444.
- Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XIX века: синтез трех поколений историков. М.: ИРИ РАН, 2008. 294 с.
- Хохлова Д. А.* История научной подготовки и аттестации кадров на историко-филологическом факультете в архивных документах Казанского университета (1804–1918): Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ВНИИ-ДАД, 1998. 253 с.
- Человек: индивидуальность, творчество, жизненный путь: Сб ст. / Под ред. В. Н. Келасьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 196 с.
- Эпштейн М.* Клуб эссеистов и коллективная импровизация: творчество через общение (Из интеллектуальной истории 1980-х) // *НЛО*. № 104. 2010. С. 223–235.
- Корзун Валентина Павловна***, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; korzunv@mail.ru
- Рыженко Валентина Георгиевна***, доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; valentina948@mail.ru